The background is a piece of aged, yellowish-brown paper with a visible fibrous texture and several small, dark brown spots. A solid black rectangular box is positioned in the upper left quadrant, containing white text.

Сергей Золотарёв
Книга жалоб
и предложений

Сергей Золотарёв

Книга жалоб и предложений

Москва

«Воймега»

2015

УДК 821.161.1-1 Золотарёв
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
380

Дизайн серии: Сергей Труханов

С. Золотарёв
380 Книга жалоб и предложений. — М.: Воймега, 2015. — 92 с.

ISBN 978-5-7640-0180-7

Книга издана при поддержке Алексея Коровина.

© С. Золотарёв, текст, 2015
© С. Труханов, оформление, 2015
© «Воймега», 2015

* * *

Переносят пустые коробки картонные
иноземцы разутые.
И маслины глядят в темноте на бездонную
перспективу мазутную.

Неужели в картонных коробках от обуви
эти странные личности
моего ощущения проносят подобие
через рощи масличные?

Неужели деревья десятка неробкого
переносят отсутствие
много лучше людей и пустыми коробками
понуждают разуться их?

Чтоб, босыми ногами давя маслянистую
пустоту, тем не менее,
описав этот сад как судебные приставы,
перейти к наполнению.

Интерьер

Торги. Распродаётся год, на убыль
пошедший. Облетает картотека.
Смерть из массива осени и дуба
начала девятнадцатого века.

Куда как нелегко искусствоведу
аукциона Christie's или Sotheby's
определить, как долго шла к ответу
и в старости накапливалась совесть,

приведшая к раскаянию листьев
и полному смиренью перед ветром...
И — к удивленью аукционистов —
предстала совершенным интровертом.

А с молотка уходит вид из окон,
отмеченный тончайшей позолотой...
Оставив неразгаданным эзопов
язык листвы отложенного лота.

* * *

Но если ты переведёшь свой взгляд
на час назад, как переводят стрелки,
настанет осень, рамы застеклят,
глазное дно от ила отскоблят
и на зиму сольют видеоряд,
за лето наигравшийся в гляделки.

И как вода содержит мириад
живых существ, так полон взгляд простейших,
влияющих на будущий расклад,
которые душою покривят,
когда не поспешат тебя утешить,

что в прошлом преломляются лучи,
как пресный хлеб, делимый без остатка.
И остаётся только, улучив
момент, его уписывать вприглядку.

* * *

Ты видишь то, что выхвачено фарами
из темноты, пустой осенней тарою
стоящее в забытой Богом местности
в полнейшей неизвестности.

Тогда как содержанье настоящего
давно забито в крашенные ящики,
хранящие надёжной упаковкою
молчание неловкое.

* * *

Сезон дождей. В коттеджах сухо.
Но страсть в природе разлита —
над церковью Святого Духа
ночами стёрта в кровь вода.

Как если, взятая на вырост,
реальность несколько мала
Тому, кто Сам разводит сырость
при виде съёмного угла.

Там капли, острые, как щепень,
обкатываются дождём,
как если служится молебен
за всех, кто в сухости рождён.

Там сумрак нежностью поваплен
и быт нехитрый и простой,
благодаря сердечным каплям,
сидит на людях как влитой.

* * *

Всё когда-то садится: голос, солнце, дома...
По ступеням — как птица —
кто-то сходит с ума.

По ступеням, по склонам,
по пологим холмам.
По уступам Сиона...
По головам.

Дождь спускается с крыши
водосточной трубой.
Перезрелые гроздья кишмиша
сходят сами собой.

Прыг да скок — трясогузка
гузкой — шлёп — в водоём.
И стопа, что со спуска
начинает подъём.

Сделав шаг с этой кручи,
ты оставишь свой след,
как и (хуже ли, лучше)
всё, что сходит на нет.

* * *

День — от сих
и ночь — до сих.
Этих пор на всех не хватит.
Оттого-то в крайней хате
ветер воет, точно псих.

Оттого-то день-деньской —
мимо рта — что в рот попало.
Оттого и горя мало
тем, кто кормится тоской.

И приметы — по усам —
превращаются в предметы.
Расставляя то и это —
там и сям.

Нарождение

Страшный сумрак, редкий сумрак,
истоптавший шар земной,
как из Красной книги зубры,
ходит сумрак надо мной.

Облака, луну и звёзды
и несущий небосвод
он вдыхает через ноздри,
выдыхая через рот.

Этот сумрак как-то связан
с тем, чем дышит Первый мед:
с раздвигающимся тазом,
с появлением на свет.

Ляжет припорох на кальку,
дунет ветер, обнажив
годы, спящие вповалку,
жизнь над пропастью во ржи.

В электрическое поле
залетая, светлячки
расширяются от боли,
как ослепшие зрачки.

Хрустнут бабочки — как чипсы,
раскрошатся на ветру.
Если в сроках не ошибся,
быть по-твоему к утру.

Ночь отпета петухами
и уже погребена
в положении вертикальном,
в позе утреннего сна.

Улыбнулась, осветилась,
стенки маточной трубы
заплела, как наutilus,
по условиям резьбы

и, из сумрачного геля
взяв, чего там больше нет,
двадцать пятого апреля
дописала мой портрет.

* * *

Умирают голуби повсюду —
убирает Бог свою посуду:
в неглубоких глиняных телах
остывает святость, лизоблюдам
отдавая толику тепла.

Кажется, из глиняных свистулек
взят обратно с присвистом фистульным
Дух Святой. Над проводами ЛЭП
корабельный воздух на ходулях
крошит белый хлеб.

Площади полны Его изделий:
косяных бочонков от лото.
Мастера пошивочной артели,
словно пуговицы из петелек,
лапки вынимают из следов
(видно, жаль им взнузданную пташку!),
раскрывая землю нараспашку,
обнажая бездну подо льдом,
ложкой попадающую в чашку,
в ложку — ртом.

* * *

Получая справку в БТИ
о своём земном существованье,
думаешь, как о небытии,
как о мрачных опытах Гальвани

над лягушкой (сокращенье слов
наблюдая в воздухе посмертном), —
о тоске отдельных санузлов
по своим пяти квадратным метрам.

Думаешь о шкафе духовом
и материальности цыплёнка,
и о веществе как таковом,
и о существительном «продлёнка».

* * *

Мой бедный город выполнен из цельного
куска воды — горячей и кривой,
жильё связавшей трубами котельными
с центральной системой корневой.

Дожди, как аппараты Илизарова,
поддерживают парки на весу.
А там, где сверху площади базарные, —
колодцев терракотовая армия
осадков ждёт, как приступа, — внизу.

И люди, состоящие на семьдесят
процентов из сочащейся воды,
пытаются к истокам присоседиться —
на восемьдесят устьем испиты.

Центральное отопление

Когда, чуть потрескивая, остывает батарея,
кажется — это твой домашней
тёплую воду бреет
бритвой опасной
кривой:
мёртвую воду — живой.

Звуки, скользящие тем скорее,
чем заострённее слух,
падают, как срезанные верёи.

Капли рассыпались на ковре и
не собираются больше двух —
жёлтой звездой на щеке еврея,
переводящего дух,
стрелками на часах — на время
зимнее, дабы условный вектор
был соблюден: чтоб трижды кричал петух
(или алектор),
прежде чем свет потух
ночи — и солнечной тьмы прожектор
высветил каждому новый срок!

Бреет до гладкости синих щёк
воду в окладистой батарее
маленький жиденький толстячок,

могущий запросто, коль припёрло,
вечности перерезать горло
и превратиться в сливной бачок.

* * *

Накануне таскавшие камушки,
мы сегодня не столь легки
на подъём. И бесшумная Аннушка
чьи-то смазывает шаги,
словно петли. Без всякого скрипа
за спиной закрывая следы.
Гололёд: и от лутца до флипа,
как до всхлипа, всего полбеда.

* * *

Суфий чистильщик обуви ассириец — настолько старый,
что мешает любовь и обувь, воспринимая парой,
всё, что ходит по свету, — встаёт на его лоточек.
Говорит, что оба понятия имеют один источник.

Что скрывают одну орду за разными ярлыками.
Обувь — та же любовь, разношенная веками
на размер, когда оставляемый ею след
больше прожитых лет.

Полируя ботинок щёткой ливанского кедра,
ассириец видит по спилу каблучному каждый метр,
пройденный втуне, — неслучайно его крыльцо
зарегистрировано на подставное лицо.

Не поднимая взгляда, опущенного на брусчатку,
третьего дня реанимировал утерянную перчатку:
сердечную недостаточность, как надувную лодку,
примерив на обувную колодку.

В жилах застыла кровь: поднятой с тротуара
левой перчатке сердца сыскалась пара.
«Видно, одной походкой сходят в земную персть», —
скажет лукавый перс.

* * *

Раскольничество — свойство чугуна.
Однажды сквозь тяжеловесность старого
обрядя вдруг становится видна
пластическая верность Енгибарова.

Когда одним движением берёт
металл свой вес, усилию завещанный,
и сестринский содержит углерод
на мизерный доход от микротрещины.

* * *

Листовую готовили пасту,
окормляя зелёную паству
благодатью молитвенных вод.

Перед постригом долгую требу
отслужило холодное небо,
обходя по дуге небосвод.

Литию заказав по утилю,
неживую листву приютили
желоба водостоков в скитах.

А живых, отнесённых к скитальцам,
сосчитать можно было по пальцам
на холмах, черепахах, китах...

* * *

Каким демисезонным вышел год.
Практически любое настроение
возможно было выбрать — и дресс-код
при этом не нарушить ни на йоту.

Мы надевали чешки — от дождя!
Душевных травм не заглушали травы.
И ты под сердцем бедное дитя
носила девять месяцев, как траур.

Всё поначалу надо разносить.
Полюбишь позже. Ткань такого рода
из рода в род одну мотает нить.
И не выходит с возрастом из моды.

* * *

Почему в твоём маленьком сердце
моего нет посольства?
Ну хотя бы торгпредства
или попросту — места под солнцем?

А в моём государстве
день и ночь у посольства республики с маленьким сердцем
раскрываются дверцы, гудят иноверцы,
подают на двойное гражданство.

* * *

Ты едешь сейчас одна.
Одна чёрт-те где. И поезд
не достаёт до дна,
стоя в степи по пояс.

Обходчики на путях
спешат обстучать колёса,
чтоб время текло в натяг
с физическим переносом.

Но вот одинокий бош
садится в купе каморки —
а ты у окна растёшь
домашним цветком у шторы.

Пришлец достаёт вина
в зелёной стеклянной лейке,
желая полить — одна! —
растение на скамейке.

Но трогается состав.
И всё обретает вектор
оторванности с куста
железнодорожной ветки.

Движение придаёт
наполненность полым формам.
Так утренний зреет плод
быстрее потому, что сорван.

И страшно сидеть тому
становится, кто привязан
к растению своему.
А поезд летит во тьму,
подсолнечным светом смазан.

Сапсан

Прозрачный поезд, спящими телами
просвечивающий насквозь,
летит, одетый в форменное пламя
дорожных войск.

С какую-то поспешностью особой
сжигает расстояния дотла.
Как будто он донашивает обувь
или сметает крошки со стола.

Взметая вновь приспущенную заметь,
несётся поезд прямо через память
событий, о которых позабыл.
Платформам остаётся лишь обречь
метели пыл.

И, снежного покрова — от ожога —
на семьдесят процентов лишена,
катается железная дорога
по рёбрам своего же полотна.

* * *

И пока я ждал тебя, на город
опустился поднятый когда-то
ворот
приближающейся даты.

За какой-то месяц ожидания
гениальный архитектор Шухов
дебаркадер выстроил
из слухов.

Наигравшись в камеры слеженья,
голуби себе свернули шеи.

И часы на Киевском вокзале
циферблат до крови расчесали.

* * *

Твоя женщина спит, что-то шепчет под нос —
непонятные милые речи.
А во сне вулканический пепел волос
покрывает любимые плечи,
засыпает Помпеи, и блеющих коз,
и людей, задувающих свечи.

Одеваются улиц ночных рукава
обожжённого неба дерюгой.
И, прощаясь во сне, ключевые слова
говорят горожане друг другу.

Погребённые заживо сводами крыш,
сохранят до утра невредимым
быт средиземноморский. И если ты спишь,
мы с тобой города-побратимы.

* * *

Пришли мне весточку на мейл,
что пароход не сел на мель,
что волны бережно катают
его во рту, как карамель.

Что косяки летучей рыбы
не будут вздёрнуты на дыбы.

Что атлантическую невидаль
не ловят больше мелким неводом.

Заветной веточкой оливы
пришли мне весточку счастливую,

что данные туроператора
совпали с картами Меркатора.

Что волны бережно проветрили
береговую геометрию.

И каплю каждую, как пух
гагачий, просушили вёслами.

И распустили этот слух
о том, что жизнь не станет взрослою.

Любовное

1

Любимая, на свету все кошки, что были в сером,
сгорая, грозят коту испорченным глазомером.

Смотрю в темноту зари и хлебцы мочу в мадере
(в водяре?), чтоб растворить в крови вещество материй.

Как проникновенье сред друг в друга — за счёт участия,
идёт срастворенье лет отчаянья — мигу счастья.

А где-то в моей глуши, пристроившись у окошка,
отрывает души комок пожилая кошка.

И это сидит во мне, как труженик в обезьяне,
как избранные места из переписки с друзьями.

2

Мне кажется, или ты наматываешь в полёте
дыханием на винты — пространства бескрайней плоти?

О, как я хочу во тьме за Аккою Кнебекайзе
лететь не в своём уме, но в собственном пересказе.

Дабы колдуны с земли горé возводили очи
и чтобы по небу шли Икарусы дня и ночи.

Плестись у тебя в хвосте, физически быть с тобою,
и быть не на высоте, и не горевать о сбое

в работе сухого Ту, облитого керосином.
И смертную наготу пером прикрывать гусиным.

З

Собачка внутри замка пружиной ослабшей тужит
о том, как стоят (века!) собаки — в замке — снаружи.

А я —

* * *

И за всем за этим стоит
море прощений и океан обид.

Может, любовь, но скорее похоть.
Можно над долей каренинскую поохать

и соблазнить очередную красотку,
образ которой из обвинений соткан,

с виду невинных.
Впрочем, к утру

из всевозможной мыслимой мешанины
вспомнишь Фру-Фру.

* * *

Это наша с тобою земля.
На поверхности — книг штабеля.
Это я вынимаю из штабеля
золотую «Конармию» Бабеля.
Как и тёзка его Левитан,
он поёт лишь горящий метан
духа, слишком мятежного, чтобы
быть мерилем добра или злобы.

На повестке погожего дня —
смерть коня,
чей зрачок упирается в чтойность
одинокого стойла, в спокойность
пожирающего огня.

Это осень, твоя непристойность,
неустроенность после меня.

(Из окон
дым, свет,
конь-огонь,
конь блед.)

* * *

Чайка-ружечка в поле морском
засыпает волненье песком.

Из пожарного ящика тащит
волокушу в ракушечный ящик.

Укрывает кусками брезента
пламенеющий край горизонта...

Море тлеет, завидев полёт
нашей чайки, почище болот

торфяных, а крикливая клуша
вынимает из воздуха душу.

Контрабандисты

Ветер прибуёт к дебаркадеру камешек винный.
Море намочит волною куски парафина,
слитого танкером в створки открытого моря.
Обыск пройдёт в пароходной конторе.

Всё это тем и чревато, что папа Сатырос
выбросит за борт твою контрабандную сырость,
перевезённую в трюмах, обшитых особнным студнем —
звуконепроницаемым материалом
звукозаписывающих студий.

Эта глухая вода: это запись — на плёнку
нефти — молчанья кита и мычанья телёнка:
самая редкая, самая чистая запись,
ту, что напел в глубине отречения Апис,
тот, что ведёт бороздой между слипшихся капель
трансатлантический кабель...

Нет. Невозможно, чтоб греки с чужими усами
стёрли с бобин то, что сами же и записали, —
волны не вынесут однообразного свиста
ветра, которым прикроются контрабандисты.

* * *

Я подходил к торговцам краденым
и предлагал им оценить
раздавленные виноградины
за повязавшую их нить
лозы небесной, но восторгами
торговцы продавали вид
её на внутренние органы...

...и виноград лежал раздёрванный
и пуповиной перевит.

Тьма

Тьма — это десять тысяч.
Сядешь во тьме:
хочется пламя высечь —
нужно считать в уме.

Медленно перемогая
окружающий мрак —
сотня одна, другая:
а темнота такая,
что не поможет и «Слънчев Бряг».

Счёт обладает свойством:
из числовых величин,
словно из воска,
резать пруток свечи.

Счёт превращает веки
в газовые рожки:
в кои-то веки
огненные под глазами реки,
а не мешки.

Так и сидишь, как кочет,
и вычитаешь вслух,
ежели кто не хочет
числиться этой ночью
среди испутивших дух.

А между тем светает.
Звёздный редет ряд.
Пусть кто другой считает
утро своих утрат.

Степное

1

Горицветы видеть по привычке нас
спящими на коврике степном,
чтущими в кузнечике за цикленность
оного на чём-нибудь одном.

Благо и в повторах подмаренника
близок нам мотив аутоотренинга.

Мы идём, шагами теребя
то, что травы шепчут про себя
и перевирают по прошествии.

А случись заночевать в степи —
Господи, работами общественными
всякое земное и вещественное
наше мудрование успи!

2

А в степи ковыль колышется
потому, что вольно дышится.

Как котёнка, понесла
мать за шкурку через скирды
небосвод, что был раскидан
по ложбинкам без числа.

Тра-ла-ла
да тра-ла-ла!
Ночь спускается для гидро-
изоляции тепла.

Утро

Кожицей раннего утра прикрытое Темя —
солнцу замена — пульсирующий родничок
сумерек — в небе стоит, наблюдаемый теми,
кто от природы юродивый иль дурачок.

Тихое наше несчастье, как водное поло,
по небосклону гоняет тонущий мяч.
Утром все кошки голы:
мокрые кошки, с трудом отмывающие твой плач,

за ночь собравший, как нефть с акваторий залива,
плёнку отчаяния с нескольких сотен губ.
Спящие давятся косточкой чернослива.
Ибо пустой их желудок на ласку скуп.

Что остаётся делать с любовным даром?
Рядом ложиться и голени согревать,
те, что потом перебьют одним ударом
те, что и склотили твою кровать.

Как бы тебе не потерять рассудок,
видя, как над прозрачной твоей землёй
Темечко встало в светлое время суток
с дымною головнёй.

Эволюция

Труд сделал из обезьяны человека.

Так получается, что с осени
ветра земли не пылесосили.

И, стало быть, не всё потеряно.
И при желании найти
деталь, сорвавшуюся с дерева
в пути,

несложно. Пусть со страшной скоростью
леса уходят на покой,
ты приблизительную в хворосте
нашаришь длительность рукой,

чтоб, уколовшись о неточное
предположение о ней,
печальное беспозвоночное
классифицировал Линней.

В листве — как следует из записей —
пугливый эукариот
весь крестный путь до homo sapiens
за ночь отчаянья пройдёт.

Наутро убранные дочиста
леса причиной назовут
подобной прыти одиночество,
а вовсе даже и не труд.

* * *

Это Кашинка. Вроде как мелкая гречка
на воде. Монастырская, постная речка.
Кто-то поёт за треснувшей печкой
в обществе анонимных кузнечиков.

Петь ещё можно. Наливши сверчкам
доверху своего личного вечера,
слушаешь переговоры их радиомаячка,
вроде авиационного диспетчера.

Чувствуешь: речка разбухла. И может, ещё
в кашу добавить воды? А может, уже достаточно.
Одноmotorный рядом поёт сверчок.
В небе не видно огней посадочных.

* * *

Охранение ночное
ощущаю надо мною
там, где плачет параноюю
мой сверчок-экзюперы.

Старичок одномоторный
доставляет воздух чёрный
в виде музыки разборной,
чтобы — собранной внутри —
ей дышали у двери.

Легкокрылый и почтовый,
стоверстовый сделав крюк,
он летит всю ночь, за что мы
благодарны бесконечно.
Потому как этот звук,
упакованный в холщовый
тюк, товарищ мой беспечный
получил из Первых рук.

Кашинский сад

Словно белые санкюлоты
здесь назначили тайный сбор —
постоянно мелькает кто-то,
проникая через забор.

Город Кашин висит и весит,
сколько вытесненный им свет.
На тропе раздавленный месяц
кожурой намечает след.

* * *

Из всей воды я выбираю «Вереск»:
странноприимный карликовый джин,
древесным ощущениям доверяюсь,
моё дыханье делает чужим.

Пока река, отдавшая все соки
новорождённой жидкости, внутри
себя имеет место для массовой,
чехлы от капль, течений пустыри.

Курорт с ликёро-водочным заводом
от илистого дна в одном глотке.
Как лес сплавляли, так сплавляют воду
по мутной и мелеющей реке.

Велосипедист

Мимо проехал лишней деталью
в муке напрасной с мыслью пустячной
дыму печали внявший идадьго,
винных паров надышавшийся дачник.

Велосипедной облачной цепью
долу сошед со звезды приводящей,
катится в стельку пьяный по степи,
лихо педалью петли крутящий.

Мне ли постигнуть цель путешествий
в воздухе ветхом в мире вечернем?
Сколько ты выпил, дон сумасшедший,
горя и где он, твой виночерпий?

К пропасти жизни образ ведущий
в трёх состояньях времени разом...
В прошлом ли, в нынешнем ли, в грядущем?
В твёрдом ли, в жидком, в газообразном?

* * *

Который день как, бросив домино,
разумный Санчо взвесился и запил.
И пялит zenки в мятое окно
на сбитые костяшки бурых капель.

Мещанство ускользает в дымоход.
И самый дух стеснения расширен
на тонкий ход. И дождь, как Дон Кихот,
безумствует вокруг его градирен.

На кухне прокисают бурдюки,
где смерть перегоняет всё живое
продуктами брожения перги
в изысканное пойло дрожжевое.

И кажется, что брошенный сеньор
имеет отношение к упорству.
И дождь вращает небо до сих пор
на мельничных полотнах, как Сикорский.

И чувствует заслуженный слуга:
из важных дел на свете — дымоходы
прочищены и вся-то недолга:
предать земле, принять у кошки роды...

* * *

Всякий подъём, не дающий спуску
прессу брюшному, знаком улитке,
стойко несущей свой крест моллюска
ездить в скрежещущей инвалидке.

След её геля и путь нательный —
то, что писалось всё время слитно, —
пробуют существовать отдельно:
остановившись навек, улитка

в капельке шлема мотоциклетной
по окончанье большого ралли
будет для публики незаметно
медленно двигаться по спирали

вверх, оставаясь одновременно
и неподвижной, и самоходной,
и передачей цепной ременной,
и постоянной, и переменной,
и современной, и старомодной.

* * *

В темноте разбрелась по участку
часть деревьев, давно растеряв
преимущество первой перчатки
перед сменной обувью трав.

Бедный сад потерялся и плакал.
Ибо дождь, развязавший Вьетнам
применительно к листьям и злакам,
подобрался к размякшим ветвям.

Но когда прорывает плотину
и несёт мировые валы,
Божий страх, словно в стойло скотину,
загоняет деревья в стволы.

* * *

Найди свою вторую половину
среди растений в сумрачном лесу —
то дерево, что через горловину
дыхания наденешь на весу.

Присядешь при корнях под сенью кроны —
спина к спине,
чтоб силами гражданской обороны
вам больше не участвовать в войне,

развязанной поборниками смысла.
Пусть его горячая листва
отдаст на каждый выдох углекислый
свой поцелуй — молекулу O₂.

* * *

Сыплет лепестками куст жасминовый:
сколько лет с последней встречи минуло?

Сколько в дождевые баки кануло
неба, запрессованного в гранулы?

Каждое мгновение посчитано
лепестками, каплями, песчинками.

А без этой чёрной бухгалтерии
не существовало бы материи.

Там, где от резьбы устали метчики,
помогают малые кузнечики.

И со скрипом там, где подвизаются,
в дни водопроводные врезаются.

Всякий поцелуй или пощёчина
не проходит даром мимо счётчика...

Впрочем, с ощущением неловкости
в сердце заглянувший человек

видит, как медлительные лопасти
скручивают собственный пробег.

* * *

Сделаться сразу утраченным трудно.
Нужно отсутствие — в качестве судна.

Чтоб, как Ионе, отправившись в Яффо,
стать содержимым подводного шкафа.

Нужно неверие в качестве платы
за переправу на берег галатов.

Нужно усердие — для прозябанья
в сырости тёмной нетопленной бани.

Нужен старик, выбирающий невод
лишь для того, чтобы выудить «неуд».

Нужен последовательный анализ,
как пустота наполняет физалис

к осени; как этот призрачный чахлик
делает так, чтобы золотом пахли

к ночи сады, опустевшие за день,
возобновляясь из шишек и ссадин.

Из ничего. При отсутствии роста
сделаться сразу утраченным — просто.

* * *

И вот я сижу на бобровой плотине
и путаю мысли в речной паутине.

Вода вымывает из прошлого кальций.
Насколько легко? Утекая сквозь пальцы.

Вода, точно местная анестезия,
безбольными делает взгляды косые,

которые в зеркале водозабора
встречают зрачок твоего невермора.

Всё то, что кололо и жгло, окисляло,
всё милое зло, все напитки Кизляра,

всё то, что любило тебя и желало,
река, точно белую ткань, зажевала.

А раки глядятся в природную линзу
и чувствуют тёмного купола близость:

там в чистое небо пустили собратьев.
Глаза разбегаются, дабы собрать их

когда-нибудь в тёплом садке с мертвечиной.
(Так следствие путают раки с причиной.)

А я всё сижу, наблюдая, и слезкой
толкаю подводного мира тележку,

гружённую волнами собранных данных
о грязном белье в голубых чемоданах.

* * *

В реке вода не заживает долго.
Порезы от гребных винтов и килей
останутся — с наложенными швами
случайной ряби. Свежие — за рыбой —
подводный ветер заметёт следы...

Волна из рук вон плохо заживает:
всё лето задевающая локтем
за дебаркадер или дикий пляж.
И ты, гуляя, видишь: до кости
порезана вода — до отраженья!

Плакучей зажимающая ивой
дно русла, приложила подорожник
лукавая порожняя река.
Усталое течение относит
вид города и набережной в стирку.

Когда-то отраженье полоскали
в семи водах, замачивали в горе,
вывешивали в городе сушиться,
при красном светофоре проявляли...

Теперь на две минуты не оставить:
засветят или хуже — умыкнут,
а лодочки выпьют закрепитель...

Всё врут метеорологи про вечный
круговорот воды в природе. Стёкши,
река по дну торопится обратно —

такое двустороннее движение,
где в ДТП погибнуть может каждый.

А как же объяснить иначе
в верховьях обнаруженные мощи
морской волны — четыре позвонка
из шейного отдела дромадера
(страдавшего зимой от белокровья)?

* * *

Отнеси меня на реку,
что уносит топляк
тусклым светом фонарика
водяного — в полях.

Освещая былинные
пейзажи лучом,
сочетающим длинные
волны с бьющим ключом.

Умудряясь выхватывать
из двойной темноты
то, что станет кильватером
уносимой воды.

Опусти меня на воду,
как осиновый лист.
Для фатального навыка
не подходит турист.

На прогулочном катере
не вольёшься в ряды
волнового характера
уходящей воды.

Стать частицей прожектора,
водяного луча
можно, только пожертвовав
свою лучшую часть

стороне этой солнечной...
Или, режа круги,
утекать по просёлочной,
съехав с главной реки.

* * *

Реке не больно — больно руслу.
Покуда пресная вода
проходит пазухою узкой
и исчезает без следа.

Воде не больно — больно ивам,
пережимающим поток
в противодействии тоскливом.
Вода уходит из-под ног

и истекает безвозвратно...
А берега стоят вдвоём,
и только мокрые ондатры
пересекают водоём.

* * *

Нет, не услышишь ты слова худого,
сколько грязи ни лей.

Вверх по течению: воды — девы,
вниз по течению: воды — вдовы,
в среднем теченье: отдаться готовы
на орошение полей.

Где бы найти им непьющего мужа?
Чтобы колодцем пустым изнутри
вытеснил всё судоходство наружу.
Чтоб не сидел в своей смерти, как в луже,
и не пускал пузыри.

Впрочем, на то и невесты Христовы,
только что память жива.
Вверх по течению — девы.
Вниз по течению — вдовы.
В среднем течении — дао
всего вещества.

* * *

И снова на ночь несколько лимонниц
забилось внутрь решётчатых оконниц.

Так ветер откликается в саду
на злобу дня и ночи доброту.

Теперь всю память бережней горшени
я буду их сжимать в воображенье

пришпиленными промежду стекол,
чтоб, совести почувствовав укол,

однажды допустить к ночным полётам
с привязкою к оконным переплётам.

* * *

Вещество в состоянии нервного срыва.
Гулко падают сливы.
У садовника падает зренье.
Он себе помогает рукою
разглядеть, ведь к утру набирается в среднем
миски две, что должно бы хватить на варенье.
И в раздумье хранит за щекою
вещество в состоянье покоя.

* * *

Дождь пошёл. Вопрос: дойдёт ли?
Все предшественники встали,
по пути от вѣтлы к вѣтле
разменявшись на детали.

Рассосавшись в клейковину
завязавшихся листочков.
Не пройдя и половины
расстояния до точки

невозврата — за которой
завершаются повторы
кругового оборота
капли крови — каплей пота.

За которой — утро, стража,
пытки, смерть на древесине...
Смерть — пустая от поклажи,
словно полки в магазине.

Весна

Кругом стоят изделия
из дерева,
вымачивая в слёзах сухари,
всю землю присно слышащие в стерео-
наушниках — снаружи и внутри.

Увы мне! Не расскажут о мелодии
метёлки, отбивающие такт:
глухое музыкальное бесплодие
в окрестных утвердилось животах.

Растенья, утомлённые повторами
одной и той же темы новизны,
хотели бы расти в консерватории
и старости учиться у сосны.

Осеннее

1

Осина, осень, ось земная.
Не прикасайся, заклинаю,
без заземления к ветвям,
пока вращение сминает
растительность ко всем червям.

Любой шиповник на отшибе
стоит как шарикоподшипник,
прокручивая в голове
ряды допущенных ошибок
по отношению к листве.

Стволы наматывают крону,
а та — ближайшего района
инфраструктуру и жилфонд.
И к ночи в центр небосклона
затягивает горизонт.

И находится рядом просто
небезопасно — так открыт
к деталям вёртящимся доступ,
так грубо к внутреннему росту
мир подгоняет внешний вид.

2

А дождь растóчит сточные канавы
глухого сада,
как токарь третьего разряда.
Докурит «Яву»,
оправится и в сборочном цеху,
где явь и навь переплетают,
легко приладит к лопуху
исход летальный.

* * *

Подоткнув воспалённые веки
дождевою водой,
спал, не узнанный в кои-то веки
Золотою ордой

листопада, и видел кочевья
разорённые гнёзд.
Свальный грех, поразивший деревья,
уходившие в рост.

Разоренье Рязани Батыем.
Ворох листьев в костре.
И трибуны пустые
на домашней игре.

* * *

Сделай шаг из-под выступа крыши
и умри. Потому что мертвы
все желанья на свете и выше
тонкой смертью осенней травы.

И тогда удивительный метод
многолетних растений тугих —
притворяться бездушным предметом —
подойдёт тебе лучше других.

Предоставь одиноким ладоням
позабыть о строенье лица,
дабы вылепить смерти антоним
из любовного взгляда-сырца.

* * *

Маятник качну, поправив гири
ходиков, чтоб сломанное время,
точно в отделенье хирургии,
вытянуть до нужного размера.

Надо бы иметь его ходячим.
Мало ли, воздушная тревога
или улыбнётся вдруг удача,
а большая стрелка хромонога?

Впрочем, как бы мы ни торопили,
для восстановления хронологий
вместо интенсивной терапии
времени покой прописан строгий.

* * *

Смотри, как все в природе велики!
Сезонные рабочие — жуки
не борются с порывами, но дружно
расходуют воздушные тюки
на собственные нужды.

Не разбирая, что в течение дня
дыханья отработанного дизель
растенья подвергают экспертизе
сухого благодатного огня.

И даже звук — безногий инвалид —
воздушные использует ходули,
не думая, что ветер состоит
из пламени, которое задули.

* * *

Яблоня замёрзла за окном.
Листья стали ржавыми и ломкими.
Каждый плод, как в ящиках соломкой,
изнутри проложен волокном.

Первый снег, стряхнув себя от праха,
дай-то Бог, захватит по пути.
И деревья — белые от страха —
пробуют дорогу перейти.

Яблоки же сами по себе
кружатся, налившиеся йодом...
Переход от осени к зиме
должен быть подземным переходом.

* * *

Ночь обёрнута во вьюгу,
словно в снежную синюгу.
Ветер с севера на юг
продувает всю округу,
извлекая долгий звук...

Тёплый ветер, ветер тайный
наполняет кузова.
И предметов очертанья
намечаются гортанью,
выдувающей слова...

* * *

Пропаив из поля зренья Интерпола,
который год безумная листва
роняет достающие до пола
смирительной рубашки рукава.

Безумие её освобождает
от срока заключения в каземат.
И вот уже не смерти ожидает,
но верит в очистительный обряд.

Недаром после всех увещаний
деревья позволяют на себе
проверить, как цепочка пищевая
затягивает горло при ходьбе.

* * *

Снег пошёл. Мы встряли в пробке.
Снег ползёт как ткань и мельком
пропускает в синем хлопке
не одну, так две петельки.

Не затем, чтоб в синем хлопке
мы остались на стоянке, —
на стекле густые хлопья
тёмно-синие с изнанки.

В свете фар — пустых и тёмных,
свет исторгнувших — слепые
силуэты обрётённых
рукавов из снежной пыли.

Только скорая, разрезав
тишину (намного дольше,
чем всегда), скребёт сиреной
фиолетовую толщу.

И холодный воздух, треснув,
расползается по стёклам.
И водительские кресла
прижимают силой крестной —
всех, кто снова не пристёгнут.

* * *

Ты спугнёшь первый снег — ничего-ничего...
Он ведь к нам прилетел с ночевой,

собираясь устроить Всемирный потоп,
ибо в чём-то его изотоп.

Но, запутавшись в галиматье проводов,
дальше дела идти не готов.

И на крышах сидит, как на стуле,
мягким местом тепло карауля.

С его лёгкой руки на отлёт фонари
держат противовесами гири
темноты, натирая огней волдыри,

городское пространство сжимая и ширя,
и размер площадей из формата А3
переводят в формат А4.

Мы идём в бакалею — купить сухари
и салата к вину, ощущая внутри,

как смягчается сыр одиночества в мире
снегопадом тончайшего бри.

* * *

Треск снежинок сухих при сжигании неба, обогревшего полночь, —
это всё, что к утру ты запомнишь.

Продолжительность жизни, рождаемость, смертность,
даже их соразмерность —

только качество ткани, где вклад индивида —
это пульс нитевидный.

Этой тканью обёрнут осенний закат
и рассветный его дубликат.

* * *

Замёрзшая вода в колготках снегопада
стоит, как сирота в песочнице детсада.

И некому забрать её с продлёнки.
И ножки тонки.

Наследница несметных капиталов
имеет форму правильных кристаллов.

На клавишных играет в группе риска,
лишённая заботы материнской.

И больше, чем в коммерческом успехе,
нуждается в родительской опеке.

И ждёт тепла. Где в жидком состоянии
все желоба ей будут вместо няни.

* * *

ворсистость выдоха морозного подшёрсток
когда во двор приоткрываю дверь
пушной и промысловый воздух
кругами ходит осторожный зверь

в его повадке не отыщешь линий
защиты и электропередач
основу быта составляет иней
наросший на тропинки спотыкач

а то ещё в пространстве бездыханном
снежинки обглодает до кости
и лапа перебитая капканом
как кашель рвётся из груди

* * *

Пошла листать при помощи клещей
кузнечных корешков степные книги.
На свете связей больше, чем вещей.
И только большинство из них — интриги.

Здесь всё стоит отдельно от всего.
И каждый стебель шелестит сугубо.
Но где-то в темноте — по осевой —
ворочаются газовые трубы.

А снег ложится только на типчак
в степи ковыльной.
И кошки спят в мартеновских печах,
отогреваясь от тоски могильной
курганов, где, особую зачав
породу, беспорядочные связи
внезапно оборвали на вещах,
которых знать нельзя ни в коем разе.

* * *

Сдаётся мне, внутри очина
снежинки спрятана причина

её полёта, отчего

и попадает свет наружный
в объяття неискусомужней

летальщицы на Рождество,

которая затем всю зиму
безветрием дориносима.

Зимнее

1

То ли вера нас оставила,
то ли время истекло,
но молитвенное правило
положили под стекло.

По размеру поздней осени,
по диаметру плода
взят калибр винтовки Мосина
на любые холода.

Сад в твоём воображении
не растительный собор,
но Палата оружейная,
отводящая затвор,

чтоб за голыми деревьями
прятать вражеских послов,
чуть постукивая цевьями
и прикладами стволов.

2

Ты в окно смотрела тыльное,
снег ловившее в ладонь.
Отделение родильное
снежной крошки. Молодой

месяц, давший имя-отчество
бесконечному числу
хлопьев, в полном одиночестве
закругляется в углу,

где от жизненного опыта
память смертная легла
колеёй кривого обода
двухколёсного стекла.

* * *

Мы застряли в Игумново
и стоим ночью тёмною,
походя на безумного
и бездомную.

И ворота с собаками
в темноте закрываются.
Фонари, точно бакены,
от волнения срываются.

И в песок прячут медные
провода, точно головы страусы.

Взрывы ветра и
долгие паузы.

Что мы знали до этого
о теории хаоса?

Одинокая хижина.
Ветра чёрная силища.
Звёзды спрятали сжиженный
газ в подземном хранилище.

Я согрел тебя, помнится,
житием протопопа
Аввакума с его протопопицей.
Ты сказала: здесь полная ...опа!
Возразил: разнопопица!

Когда в небе над просекой
мёрзнут звёзды-печальники,
искры капают с носика
коротнувшего чайника.

* * *

— И откуда ты, отче,
в дождевой ненадёжности ночи?

— Говорят, что из пёкла,
где упорные варятся стёкла.

— Что в удолиях, старче?

— Тем прозрачнее шихта, чем жарче.

Свет глаза мои выел
до огарков ещё в нулевые.

А блуждаю я в звёздах
почитай что с конца девяностых.

— И зачем тебе это,
если веком не чувствуешь света?

— Как в глазу установится тишь,
по-другому глядишь:

не поверхность снимаешь, а пробу
забираешь шурфа.

Выбирать изо рва
можно жизнь дармовую до гроба.

- Но ведь свет не рудник?
- Коли внутрь проник,
он заместо тебя смотрит в оба...
- Непонятно, старик.
- Да ведь я не старался особо.

* * *

Малой кровью по большой воде
звёзды проплывают в темноте.

На свету же тонут, как кувшинки,
в волнах прибывающей реки...

Ранним утром в небе ни кровинки.
Всё стекло. Холодные крюки.

Спи ещё. Пускай от белокровья
звёздного страдает Подмосковье,

час рассветный — время, когда труд
человеку ставят в изголовье
грудой присосавшихся гируд.

Бляшки, набухающие светом,
кажутся единственным ответом
миру человеческих запруд.

Целый день, пока не отпадут,
жизнью наливаются пиявки.

К вечеру вползают в страшной давке
вверх по Богородичной канавке,
вверх по склону неба в карантин

ночи, где сияют, как булавки,
отдавая света гирудин.

* * *

Высыпал на лестнице пшено.
А потом вдруг снегом всё замешкало.
Лапки птиц — вдоль линий Мажино
быстрыми мелькают перебежками.

Пусть они не сеют и не жнут.
Но и хлеб свой добывают в тяготах.
Нужное количество минут
в семечках содержится и в ягодах.

* * *

Блик осенний, подкаблучник,
зайчик солнечный да лучик
воспалённого тепла,
попугайчик-неразлучник
из богемского стекла.

Всё такая беспредметность,
отчисление на бедность,
перенос дозвуковых
скоростей на птичий этнос
из традиций вековых.

Да особый микроклимат
на отрезке небольшом.
Пустяки стыда не имут,
починяют старый «плимут»
и гоняют нагишом.

Благо дадена незримость,
заливаемая в примус
приблизительно на треть...

Хочешь, голодом мори нас —
мы умеем только греть.

* * *

В один присест подкачивает птица
спустившуюся ночь. И купол неба твёрд,
как камера мяча, покуда ей свистится,
и воздух не протёрт.

Созвездья, нанесённые снаружи,
растянуты. И мы не узнаём их черт.
Пока в степи закатывает пружье
ночной концерт.

Здесь каждая душа нуждается в насосе.
Качают вразнобой и всё же сообща:
пневматика жука, гидравлика лосося,
фонетика плюща.

Поэтому ли, нет, но наши губы снова
сажают поцелуй на двусторонний скотч...
И если мы произнесём хоть слово,
прорвётся ночь.

* * *

Птица,
перебирающая следы,
словно старьёвщик зонты винтажные
кости слоновой работы слепого мастера.

Топчется в лавке своих печалей:
чувства — растительного и животного
происхождения — различая
по себестоимости их лёгного

часа, когда из одной слезы
выжать возможно недельный запас горючего.
Лапками не попадая в пазы
старых следов, ибо пальцы скрючены

прочным капроном детских забав
(как-то попав).

Водоотталкивающее перо
лёгного шлема да клюв гофрированный.
Перебирая своё добро,
часто стирает ребро до дыр она.

Но как ступила, так и стоит
в прошлом году на ловушку минную.
Стало быть, веса её обид
недостаёт, чтоб взлететь с повинною.

Тишина

Тишина антикварная. Гробовая.
Нынче, скажут, такой тишины не бывает.
Скажут: не издают.
Оттого что её раскрепили по вайям,
разделили и рассредоточили люд.

И теперь в каждом сердце стоит как волчок
и — молчок.

Содержание

«Переносят пустые коробки картонные...»	3
Интерьер	4
«Но если ты переведёшь свой взгляд...»	5
«Ты видишь то, что выхвачено фарами...»	6
«Сезон дождей. В коттеджах сухо...»	7
«Всё когда-то садится: голос, солнце, дома...»	8
«День — от сих...»	9
Нарождение	10
«Умирают голуби повсюду...»	12
«Получая справку в БТИ...»	13
«Мой бедный город выполнен из цельного...»	14
Центральное отопление	15
«Накануне таскавшие камушки...»	16
«Суфий чистильщик обуви ассириец...»	17
«Раскольничество — свойство чугуна...»	18
«Листовую готовили пасту...»	19
«Каким демисезонным вышел год...»	20
«Почему в твоём маленьком сердце...»	21
«Ты едешь сейчас одна...»	22
Сапсан	24
«И пока я ждал тебя, на город...»	25
«Твоя женщина спит, что-то шепчет под нос...»	26
«Пришли мне весточку на мейл...»	27
Любовное	28
«И за всем за этим стоит...»	30
«Это наша с тобою земля...»	31
«Чайка-ружечка в поле морском...»	32
Контрабандисты	33
«Я подходил к торговцам краденым...»	34
Тьма	35
Степное	36
Утро	38
Эволюция	39
«Это Кашинка. Вроде как мелкая гречка...»	40
«Охранение ночное...»	41
Кашинский сад	42
«Из всей воды я выбираю «Вереск»...»	43
Велосипедист	44

«Который день как, бросив домино...»	45
«Всякий подъём, не дающий спуску...»	46
«В темноте разбрелась по участку...»	47
«Найди свою вторую половину...»	48
«Сыплет лепестками куст жасминовый...»	49
«Сделаться сразу утраченным трудно...»	50
«И вот я сижу на бобровой плотине...»	51
«В реке вода не заживает долго...»	52
«Отнеси меня на реку...»	54
«Реке не больно — больно руслу...»	56
«Нет, не услышишь ты слова худого...»	57
«И снова на ночь несколько лимонниц...»	57
«Вещество в состоянии нервного срыва...»	59
«Дождь пошёл. Вопрос: дойдёт ли?..»	60
Весна	61
Осеннее	62
«Подоткнув воспалённые веки...»	64
«Сделай шаг из-под выступа крыши...»	65
«Маятник качну, поправив гири...»	66
«Смотри, как все в природе велики!..»	67
«Яблоня замёрзла за окном...»	68
«Ночь обёрнута во вьюгу...»	69
«Пропав из поля зренья Интерпола...»	70
«Снег пошёл. Мы встряли в пробке...»	71
«Ты спугнёшь первый снег — ничего-ничего...»	72
«Треск снежинок сухих при сжигании неба...»	73
«Замёрзшая вода в колготках снегопада...»	74
«ворсистость выдоха морозного подшёрсток...»	75
«Пошла листать при помощи клещей...»	76
«Сдаётся мне, внутри очина...»	77
Зимнее	78
«Мы застряли в Игумново...»	80
«И откуда ты, отче...»	82
«Малой кровью по большой воде...»	84
«Высыпал на лестнице пшено...»	85
«Блик осенний, подкаблучник...»	86
«В один присест подкачивает птица...»	87
«Птица, перебирающая следы...»	88
Тишина	89

Сергей Золотарёв. Книга жалоб и предложений

редактор:
А. Переверзин

корректор, технический редактор:
О. Тузова

издательство «Воймега»
voymega@yandex.ru
alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 20.09.2015
Формат издания 60x90/16. Усл. печ. л. 5,75
Тираж 500 экз.

Сергей Золотарёв родился в 1973 году в городе Жуковском Московской области. Учился в Государственной академии управления, Tougo College, МАИ. Работал грузчиком в аэропорту, переводчиком, тренером по теннису, занимался коммерческой деятельностью в авиационной сфере. Автор книги стихов «Яйцо» (2000). Печатался в журналах «Арион», «Новая Юность», «Новый мир» и других.